

С. Н. ВАЛК

И. Н. Болтин и его работа над Русской Правдой

Вторая половина XVIII в. была отмечена рядом крупнейших изданий исторических документов, которые в значительной мере, как например «Древняя российская вивлиофика», были обязаны инициативе и энергии любителей просвещения, каким был Н. И. Новиков. В среде тогдашней Российской Академии тоже образовался свой кружок «любителей отечественной истории»; среди них был столь известный своим рукописным собранием, погибшим большей частью в московском пожаре 1812 г., гр. А. И. Мусин-Пушкин. Несомненно, что именно ему, как обер-прокурору Синода, принадлежала инициатива издания известного в нашей археографии указа 11 августа 1791 г., которым предписывалось доставить в Синод летописи и другие исторические материалы из монастырей.¹ Благодаря ему же, конечно, получаемый в Синоде материал становился тотчас доступным кружку академических любителей истории. Уже в 1792 г. появляется новое издание Русской Правды. Хотя вопросы ее издания предварительно обсуждались в кружке, однако вся работа по этому изданию является заслугой крупнейшего из наших историков-мыслителей XVIII в. — И. Н. Болтина. По свидетельству другого любителя, написавшего впоследствии свой «Опыт повествования о России», И. П. Елагина, Болтин «един, по отменному знанию Русской истории, к изданию упрощен был и един трудился».²

Издание Болтина было встречено общим признанием. Такой придирчивый к русским авторам критик, как Шлецер, вынужден был признать его появление в свет «отрадным событием», так как «еще никогда не печаталась старая рукопись, при издании и объяснении которой было бы обнаружено столько критического духа и ученого знания отечественных древностей». Это издание положил в основу сделанного им в 1816 г. перевода Русской Правды на немецкий язык Эверс, заявляя, что оно — «vulgata». Э. Тобин в 1844 г. считал, что оно было «в то время безусловно лучшим изданием Правды», и даже Н. Калачов, после работы которого

¹ Некоторые материалы, дающие возможность установить, какие рукописи были тогда получены в Синоде, имеются в деле о возвращении этих рукописей на места (ЦГИАЛ, ф. Канцелярии Синода, № 601), «О возвращении присланных в св. Синод в 1791 г. из епархий и монастырей летописцев в те места, откуда были взяты». Ряд сборников не был тогда возвращен, так как, по объяснению А. И. Мусина-Пушкина, был им «взнесен» Екатерине II (лл. 1—2). По авторитетному же свидетельству министра С. С. Уварова, сборники эти попали в библиотеку самого А. И. Мусина-Пушкина. (И. Маяковский. Исторический очерк архивного дела в России. Пгр., 6 г. стр. 119).

² И. Елагин. Опыт повествования о России, кн. I. М., 1803, стр. 446—447; К. Калайдович. Библиографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей гр. А. И. Мусина-Пушкина. — Записки и труды ОИДР, ч II. М., 1824, стр. 27.

(1846) текст Болтина не мог иметь никакого значения, писал, что оно «еще и теперь имеет цену».³

Действительно, издание Болтина было громадным шагом вперед в деле изучения Русской Правды. Вслед за предисловием оно содержало текст Русской Правды, снабженный обстоятельными комментариями; заключено оно было указателем «всех, находящихся в сей книге материй, также слов и названий древних, из употребления вышедших или в ином смысле употреблявшихся».

Однако текст Русской Правды, оказавший в свое время столь сильное влияние даже на выдающихся наших историков и исследователей, уже со времен Карамзина стал вызывать все более серьезные нападки. Болтин при всей своей начитанности и уме не имел ни малейшего представления о несложных даже правилах филологической критики. В его распоряжении, кроме напечатанных к тому времени краткого Академического и пространного Крестининского списков, оказались, как он сам указывает, еще шесть рукописных списков, полученных в Синоде после издания указа 11 августа 1791 г.

Болтин совсем не поставил перед собой вопроса о соотносительном значении краткого и пространного текстов Русской Правды, не говоря уже о значении каждого из бывших у него в руках разных пространных списков. Для Болтина тексты всех этих редакций и списков послужили однородным сырьем для того, чтобы дать на их основе свое издание текста, которому «должны будут уступить», по его мнению, все ранее изданные. Болтин полагал, что его издание оказалось «в самом существе своем полнее, исправнее, достаточнее всех прочих». Какой ценой и какими приемами это было достигнуто — на этом мы ниже остановимся, а сейчас попытаемся установить, какой список положен был в основу издания Болтиным.

Хотя сам Болтин указывает, что в основу им был положен полученный из Синода пергаменный список, однако уже первый общий заголовок — «Устав великого князя Ярослава Владимировича о судех. Правда Руская. Суд о душегубстве», — а также заголовок следующей статьи — «Суд Ярославлих детей» — ведет нас отнюдь не к бывшему у Болтина пергаменному Пушкинскому списку, а к спискам так называемой Карамзинской редакции. Н. Калачов, который так ценил болтинское издание, привел в вариантах к своему систематическому изданию Русской Правды также и варианты болтинского издания. Это дает возможность без значительного труда установить постоянное совпадение вариантов Карамзинской группы списков Русской Правды с вариантами болтинского издания. После работы В. П. Любимова понятно, почему Болтину именно список Карамзинской редакции должен был показаться наиболее полным и исправным. На основании наблюдений над вариантами калачовского издания мы можем утверждать, что в основу болтинского издания был

³ Правда Русская или законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха, с приложением древнего оных наречия и слога на употребительные ныне и с объяснением слов и названий, из употребления вышедших. Изданы любителями отечественной истории. Печатаны в типографии св. правительствующего Синода 1792 г.; второе издание без перемен — 1799 г. (у В. С. Сопикова ошибочно показан 1798 г.); A. L. Schlözer. Nestor. — Russische Annalen. . ., 1802, I Theil, стр. 112 (в русском переводе Языкова: Нестор. СПб., 1809, ч. I, стр. ров. начало отзыва опущено); перевод Эверса помещен в: Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte, herausg. von G. Ewers und M. v. Engelhardt, Bd. I. Dorpat, 1816, стр. 299—322; E. Tobien. Sammlung kritisch bearbeiteten Quellen des Russischen Rechts. Dorpat, 1844, стр. 9; Н. Калачов. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды, в. I, изд. 2-е. СПб., 1880, стр. 4.

положен Воскресенский список Русской Правды. Он не пергаменный, и здесь Болтин допустил ошибку в своих археографических пояснениях. Пергаменный же список, принадлежавший гр. Мусину-Пушкину, оказался совсем не на первом месте у Болтина, а возможно, и вообще не был им использован. Хронограф Воскресенского монастыря, который содержит Воскресенский список Русской Правды, действительно был послан в Синод в 1791 г. и был, несомненно, в руках у Болтина.⁴

В предисловии Болтин излагает приемы своей работы. Болтин отличает свой основной список, которому он следует, от других дополнительных списков. Свой основной список Болтин печатает «церковными буквами» «без всякия перемены не только в словах ниже в одной букве»; там, где в основном списке оказались «упущения в словах, небрежением писца учиненные», имеющих в исправном виде в других списках, он вносил эти слова в текст «без всякого усумнения» и, добавив, без всяких оговорок, что они взяты из другого источника; «отмены в словах и целых речах», обнаруженные им в дополнительных списках, Болтин обещает указывать в примечаниях, но этого не делает; наконец, слова, речи и статьи, переставленные «с места на другое не по приличию» или поврежденные «от переписок», оставлены им в издании без изменения. Таковы заявления самого Болтина. Посмотрим, во что они вылились на деле, помня, что в основе издания лежит пространный Воскресенский список.

Для примера возьмем первую, известную статью Русской Правды о кровной мести. Здесь в перечне мстителей за убитого мы находим в тексте Болтина не встречающегося ни в одном из списков Пространной Правды «сестрина сына», поставленного Болтиным вместо имеющегося во всех пространных списках «братнего сына». Отожествив, несомненно, рядом поставленных в этих списках в качестве мстителей «брату-чадо» и «братнего сына», Болтин устранил это повторение, заменив «братня сына» без всякой оговорки заимствованным из Краткой редакции «сестриным сыном». Также и в перечне разрядов населения, подлежащих сорокагривенной пене, Болтин добавляет из Краткой же редакции «ябетника». В первой половине этой же статьи, устанавливающей, что если «убьет муж мужа» и «не будет кто его мстя, то положити за голову 80 гривен, аще ли будеть княжь муж или тиун княжь», Болтин опускает конец ее, начиная от «аще». И понятно — для него это тавтология: по Болтину, муж это и есть только «княжь муж», следовательно, излишне совсем повторять еще раз, что дело касается именно «княжа мужа». Итак, мы здесь видели и вставку из Краткой редакции, и пропуск существенной части текста; и все это на основе толкования текста Болтиным, и все это ни где и никак не оговорено. Таков характер работы Болтина над своим изданием и в дальнейшем. После этого удивительно не то, что текстом

⁴ Совпадение вариантов всей Карамзинской группы с изданием И. Н. Болтина см у Н. Калачова; Предварительные сведения..., стр. 135, прим. «е», «h», «г», «и»; стр. 137, прим. «г»; стр. 138, прим. «а»; стр. 139, прим. «d»; стр. 143, прим. «с», стр. 144, прим. «b», и т. д. Специфические варианты одного только Воскресенского списка см. там же, стр. 142, прим. «d»; стр. 145, прим. «d»; стр. 151 и др. В указанном деле Синода (№ 601), в реестре книг, полученных из Московской типографской конторы (л. 47 и сл.), находим три рукописи, принадлежащие Троицкой лавре (хронограф; летопись, писанная полууставом, на пергамене, — знаменитая Троицкая летопись, сгоревшая в 1812 г., и еще один летописец), но нет пергаменного Мерила Праведного, включающего Русскую Правду. В то же время в списке рукописей Воскресенского монастыря, помещенном там же (№ 601, л. 61), находим хронограф, в поледсть; так как называемый Воскресенский список Русской Правды извлечен Н. Калачовым и другими позднее именно из хронографа Воскресенского монастыря, то вышеуказанные наблюдения находят в этом совпадении свое подтверждение.

Болтина пользовались в первые десятилетия после его издания; удивительно, конечно, то, что в своем составившем эпоху в изучении Русской Правды труде Н. Калачов приводит варианты из болтинского издания наравне с вариантами древних рукописей и что такой знаток Русской Правды в советское время, как Н. А. Максимейко, объясняет особые чтения в издании Болтина так же, как он объясняет варианты и особенности текстов XIII—XVI вв. Думается, что болтинский текст Русской Правды, ценнейший и еще недостаточно использованный для научной биографии Болтина материал, лишен всякого значения как пособие для установления текста Русской Правды.

В своих полемических сочинениях против «дерзкого клеветника и сущего вралы» Леклерка и против «сочинителя российской истории» Щербатова, в своих примечаниях к сочиненному Екатериной II «подражанию Шакеспиру» из жизни Рюрика и, наконец, в предисловии и в примечаниях к изданию Русской Правды Болтин имел возможность не раз коснуться вопросов происхождения Русской Правды, ее развития и, наконец, того общественного строя, который нашел в ней свое отражение.

Леклерк, низведший древнюю Россию на ступень варварской страны, а наряду с ним давняя, со времен Байера, варяжская теория вынуждали Болтина с его «национально-оборонительным мышлением», как сказал о нем В. О. Ключевский, к более детальной характеристике этногенеза и общественно-политического строя древней России.

Никто теперь всерьез не станет считаться как с научным фактом ни с устанавливаемой Болтиным классификацией племен, населявших территорию древней России, ни тем более, например, с восстанавливаемым им составом и даже словарем сарматского языка; все эти рассуждения не теряют, однако, для нас своего значения, как факты общественно-политической тенденции в исторических построениях Болтина.

Все пространство теперешней России, как полагает Болтин, «издревле» было занято разными племенами, объединяемыми «общим названием Сармат»; часть их двинулась к северу, и они «превратились в русских». В частности, в пределах Новгорода, где лежит начальный узел варяжского вопроса, руссы «многие веки» «жили прежде, нежели история наша начинается». Лишь под давлением венетов группа новгородских руссов «уклонилась» в сторону варягов, смешалась с ними и стала «варяго-руссами», что создало и сходство русского и варяжского языков.

В наличии этих «варяго-руссов» Болтин видит корень той ошибки, которую сделал Нестор, отождествив вообще варягов с руссами; так здесь в своей точке зрения на Нестора как основоположника варяжской теории Болтин предвосхищает позднейших исследователей.⁵

Славяне затем покорили сармат и заставили их говорить своим языком. Только Рюрик «от рода русского» привел положение к тому, что опять «русский народ стал бысть господствующим, а пришельцы славяне учинились подданными». Борьба этих двух элементов, когда после славянки Ольги славянский язык «в вящшем сделался употреблению между вельмож и людей почетных» и когда его значение было поддержано языком перевода богослужебных книг, кончилась тем, что, как формулирует это Болтин в своих любопытных примечаниях к исторической драме Екатерины, славяне в отношении природы превратились в руссов, а руссы в отношении языка стали славянами, утратив свой сарматский

⁵ Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, изд. 2-е. СПб., 1793, стр. 70—71, 80—82.

язык. А варяги? Во-первых, Рюрик привел с собой лишь «некоторое число вельмож варяжских, а может быть, и малое число войска для охранения своего». Во-вторых, и еще существеннее, варяги «не просвещеннее были русских, они, живучи в соседстве с ними, общие и одинакие имели с ними познания». Итог этот открывает нам путь к изучению взглядов Болтина на Русскую Правду.⁶

С такой точки зрения нечего искать источников Русской Правды ни на Севере, ни на Западе, подобно тому как «бреднями» является желание вывести Рюрика из Швеции или из Пруссии. Найти их можно только единственным путем — путем изучения общественно-политического строя древнейшего населения России. Болтин, быть может не без влияния Вольтера, не желавшего видеть достоверной истории за пределами наличия письменных памятников, сосредоточивает свои рассуждения на эту тему вокруг договоров с греками, а также древнейших летописных данных и данных византийских авторов.

Вопрос о происхождении состава Русской Правды был для Болтина, по сравнению с Татищевым и Шлецером, усложнен теперь наличием пространных списков Русской Правды. Для Болтина не возникло, как мы видели, вопроса о редакциях Русской Правды. Положив в основу своего издания столь отличный от краткого списка материал, как список Карамзинской редакции, Болтин все же шел, насколько это было возможно, за своими предшественниками. Так, Болтин, изображает первые этапы развития Русской Правды, пользуясь Татищевым и Шлецером. Заимствуя у Шлецера его терминологию, Болтин различает прежде всего Ярославовы и Изяславовы законы (напомним, что Татищев говорил о «древнем законе», лишь приписанном Нестором Ярославу, и о «сущем Ярославовом законе»). Последние имеют по сравнению с первыми «великую разницу в слоге и в наречии»; они были составлены вследствие новых «времен и обстоятельств», дословно так, как это излагает Татищев, старшими сыновьями Ярослава и несколькими «вельможами» по приказанию Ярослава. В дальнейшем Болтин должен был идти по самостоятельному пути, так как ни Татищеву, ни Шлецеру не была известна Пространная Правда. Опорным пунктом для него послужило упоминание имени Владимира Всеволодовича в уставе о резах. Пользуясь им, он разделил свое издание Правды на две части: первую — «Устав Ярослава Владимировича» — и вторую — «Устав великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха». Обе части даже внешне различны в издании: первая разделена на параграфы, вторая — на главы. Вся эта работа была проделана Болтиным самостоятельно и послужила отправным пунктом для последующих работ в области изучения Русской Правды вплоть до наших дней.⁷

По Болтину, в древнейшем слое Русской Правды отразился и древнейший быт русских. Древнее русское общество было для Болтина обществом свободных людей, в котором рабами были главным образом одни лишь пленники-иноземцы (из русских рабом мог стать либо должник, либо добровольно себя закабаливший). Если, следуя за, давней, со времен Готмана, литературной традицией, Монтескье утверждал, что свобода

⁶ Ответ генерал-майора Болтина... стр. 83—84; Подражание Шакеспиру. Историческое представление, без сохранения феатральных обыкновенных правил, из жизни Рюрика. Вновь изданное с примечаниями генерал-майора И. Болтина. СПб., 1792. стр. XII (о том же: Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том истории князя Щербатова. СПб., 1793, стр. 125—127); Примечания на историю древних и нынешних России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным, т. II. СПб., 1788, стр. 110.

⁷ Примечания на... Леклерка, т. I, стр. 227—315; Правда Русская..., стр. III—V.

родилась в лесах Германии, то Болтин, действуя своим излюбленным приемом сравнительно-исторических сопоставлений, доказывал тождество древнерусского общественного строя с древнегерманским и древнеримским. Он утверждал, что, подобно древнейшему периоду римской истории, когда римляне делились лишь на два сословия — патрициев и плебеев, или подобно тому же периоду в истории древних германцев, когда они делились на вельмож и на людей (Leute), подобно тому и «народ русской в самой древности разделялся токмо на два сословия — на бояр и людей». «Муж» Русской Правды это и есть боярин (он выделялся из массы свободных «по роду и по богатству»), а «княж муж» — вельможа, т. е. тот же боярин, но близкий к князю: «людином» обозначен в Правде всякий простой свободный и, по своим дворянско-аристократическим взглядам Болтин переводит термин «людской» также «дворянский», «шляхетский». Вся масса древнерусского общества свободных делилась «на многие степени по различию званий и служений», и критерий этого деления на степени наваян Болтину, несомненно, его крепостническими представлениями о характере всякого свободного древнего общества. «Единственное упражнение и промысел свободных» — это военное дело; все другое «считали они для себя низким». Высший слой свободных — это те, кто был занят «единственно приличным» свободному ремеслу и состоял в дружине — княжеской или боярской. Те, кто не мог перенести трудностей военного дела «по слабости телосложения или по недостатку ратоборного духа», однако кто в то же время «всякою работою гнушался, яко упражнением, рабам свойственным», занимались охотой, проводили время «в праздности и пьянстве»; по терминологии Русской Правды — это «огнищане». Ниже стоят те категории свободных, которые, однако, не гнушаются работой. Это прежде всего тот, кто отправляет «должность некоего чиновника домового» при дворе княжеском или боярском, по терминологии Русской Правды — «гридин». А затем та категория свободных, которая не могла пользоваться, с точки зрения крепостников, всеми правами свободных вследствие того, что занималась «упражнением, рабу свойственным», именно — «земледельцы и всякие, упражняющиеся в черной работе». По терминологии Русской Правды — это «смерды», которые «свободны, но презираемы». Наконец, несвободные скрыты в Русской Правде под рядом терминов в зависимости или от функций, ими выполняемых, или же от источника рабства; термины эти «отрок», «рядович», «челядин» и «закуп» (под этим термином скрыт кабальный холоп, хорошо, как полагает Болтин, затем известный по Судебнику 1550 г. и Уложению). Можно думать, что для Болтина торговля, ни «обтовая или воловая», ни «мелочная», не была явлением древнейшего общественного строя. Но уже в эпоху договоров с греками и тем более в эпоху Русской Правды, когда, как мы видели, вопреки обличаемым Болтиным клеветникам, Русь достигла значительных успехов, Болтин, конечно, видит купцов, представителей мелочной торговли и гостей, ведущих оптовую заморскую торговлю; гости даже пользовались «многими правами и преимуществами и считались в людех почетных». Таковы те основные черты общественного строя эпохи Русской Правды, из которых исходит Болтин в своем комментарии.⁸

Нет смысла специально указывать и останавливаться подробно на том, что ряд институтов Русской Правды не мог быть надлежаще понят Болтиным с его социологическими взглядами. Так, например, дикая вира,

⁸ Правда Русская..., см. все упомянутые термины по предметному указателю в конце издания.

по его мнению, является «дикой» потому, что она есть нечто «странное», «удаленное от общего порядка вещей»; «дикой» она была названа именно потому, что противоречила «правилам правды и совести». Точно так же система штрафов с ее градацией для Болтина — «неправосудный закон»; законодатель здесь следовал не «разуму и правосудию», а «одной токмо политике», что подтверждается и ссылкой на Наказ Екатерины II (§ 34), и т. п.

Болтин дал Русскую Правду с переводом и комментарием, стоявшими на уровне достижений всей тогдашней европейской науки. Неудивительно, что у широкого читателя того времени болтинское издание Русской Правды имело успех: в течение семи лет оно выдержало два издания. О его значении в последующей историографии мы уже упоминали.
